

Худож. Иван А. Мухоморовъ СР

Г. А. ФЕДОРОВ

МОСКОВСКИЙ МИР ДОСТОЕВСКОГО

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

XX века

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ф 32

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16127

Федоров Г. А.

Ф 32 Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / Предисл. С. Г. Бочарова, В. Н. Топорова. — М.: Языки славянской культуры. — 464 с.

ISBN 5-94457-152-7

В книге собраны работы автора за 30 лет. Главная тема книги — отношения Достоевского с двумя великими городами — Москвой, где он родился, и Петербургом, где он умер. Это в особенности — биографическая московская предыстория творчества Достоевского, оставшаяся малоизученной до работ Г. А. Федорова. Обширные архивные изучения неизвестных материалов — отличительная особенность этих работ.

В книгу входит статья «Был ли убит отец Достоевского?», ставшая сенсацией в 1975 году.

Вторая большая тема книги — художественная культура уже XX века, особенно 1920—1930-х годов, прежде всего, театральная и музыкальная культура, и второй герой книги — Д. Д. Шостакович, а также С. С. Прокофьев, С. М. Эйзенштейн, Н. Б. Акимов, И. Терентьев, М. Добужинский.

Книга обращена как к историкам русской литературы и искусствоведом, так и к широкому кругу читателей.

83.3

*В оформлении переплета использован фрагмент
картины Я. Мостарта «Се человек»
(Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина)*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G*E*C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G*E*C GAD.

© Г. А. Федоров, 2004

© С. Г. Бочаров, В. Н. Топоров, Предисловие,
2004

ISBN 5-94457-152-7

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Об авторе этой книги и его работе (С. Г. Бочаров, В. Н. Топоров)	7
От автора	19

I. Москва и Петербург в судьбе Достоевского

Предмestье	25
Семья Козловских	54
Дом в Лефортове	58
Фроловна и Ульяна	62
Отец и сын Котельникии	65
Драшусов и «пансионикш Тушара»	89
Пансион Л. И. Чермака	97
Петербург. 1837 г.	115
Сельцо Даровое	130
Был ли убит отец Достоевского?	146
«Помещик. Отца убили...»	154
Петербург «Двойника»	194
Санкт-Петербург. Год 1846	211
Москва Достоевского	254
Куманины и «Маленький герой» (московская родня Достоевского)	261
К портрету Ф. Ф. Опискина	273
Дом со ступенями	291
«Се человек» (картина Яна Мостарта)	313
Материалы о ранних годах жизни Аполлона Григорьева	368

II. Художники и XX век

Вокруг и после «Носа»	379
Кисть Акимова	405
Тринадцать их (Прокофьев и Эйзенштейн)	407
Пространства Мстислава Добужинского.....	423
Указатель имен	446
Список иллюстраций	458

Об авторе этой книги и его работе

Более четверти века мы знаем автора этой книги и саму эту книгу знаем уже давно: она давно сложилась у автора из статей, появившихся в современных изданиях (а то и не попадавших тогда в печать) и постепенно образовавших в изучении и понимании Достоевского свое особое, персональное русло. Было это в основном в 70-е и 80-е годы, и только сейчас немолодой уже автор нашел в себе силы собрать свои рассеянные работы в книгу, чтобы стало очевидно, что есть в культуре наших дней такое явление, как особое достоевскоеведение Г. А. Федорова. Автор — не цеховой литературовед, он по первой своей специальности художник и человек театра; в 1948 году он окончил студию С. В. Образцова и затем работал с Ю. А. Завадским, Р. Н. Симоновым, Н. П. Охлопковым. В 1957 году он был художником в спектакле Ермоловского театра «Преступление и наказание», и это определило его дальнейшую жизнь. С той поры он и начал прокладывать то самое свое русло, пустившись в биографические раскопки, не предпринятые до него никем, и накапливая редкие знания не только о самом Достоевском, о юном и молодом Достоевском особенно, но и о его семейном и родственном круге, и не только о родственной, но и о топографической среде, формировавшей его. Так росла в занятиях автора его главная тема — отношения Достоевского с двумя великими городами — Москвой, где он родился, и Петербургом, где он умер. Петербург Достоевского — традиционная тема, чего не скажешь о Москве Достоевского, она изучена мало. Этот сравнительно мало известный нам московский мир Достоевского и стал постепенно открывать в своих работах Г. А. Федоров.

Но не только об этих работах, а о самом их авторе мы бы хотели в этом вступлении к его книге сказать. На занятиях Достоевским, его и наших, мы и встретились в начале 70-х. Мы познакомились с ним тогда по отдельности и в основном по отдельности продолжали встречаться и разговаривать в следующие десятилетия. Всего лишь несколько раз мы бродили вдвоем по Москве, которой он великий знаток, и — дорогое воспоминание — были с ним в поездке на подмосковную родину Достоевского, в село Даровое, куда не попали бы без него и не увидели бы так, как увидели, без его рассказов на месте. Георгий Алексеевич с намизнакомился сам, в обеих встречах был активным лицом. Одного из нас он остановил на лестнице Дома книги и не попросил, а потребовал разговора, который тут же и начался и с тех пор не останавливался.

Другой из нас расскажет о встрече в первом лице: «Осенью 1973 года позвонил мне человек, представившийся как Георгий Алексеевич Федоров, театральный художник. Он говорил энергично, настоятельно, даже с некоторым напором. Причина звонка заключалась в том, что в Саранске вышла книга “Проблемы поэтики и истории литературы”, главное в которой было то, что она была посвящена Михаилу Михайловичу Бахтину. Обращение Георгия Алексеевича ко мне было вызвано тем, что в книге была и моя статья о “Преступлении и наказании” в связи с архаическими элементами мифологического сознания. Статья привлекла внимание Георгия Алексеевича, и он спросил, нет ли у меня лишнего экземпляра книги. Я, конечно, не мог отказать, и на следующий же день Федоров был у меня дома.

Разговор, естественно, зашел о Достоевском и особенно о “Преступлении и наказании”. Слово держал Георгий Алексеевич, которому, как мне казалось, хотелось приоткрыть мне нечто важное в себе, без чего душевного сближения могло бы и не состояться. Его монолог был свободен, образен, экспрессивен, и трудно было не поддаться сначала эстетической привлекательности его речи, чтобы потом — как следствие — и убедительности развиваемых в ней идей и тех ракурсов, всегда очень личных и, видимо, многократно продуманных, в которых видел он и этот роман, и его персонажей. Из разговора было ясно, что для

Георгий Алексеевич Раскольников не только главный герой, но и — страшно сказать — герой по преимуществу, и даже его alter ego, предвосхитивший (или сформировавший) почти за век его самого. Когда, напомнив об убийстве старухи-процентщицы и дальнейших следствиях этого шага, пришлось выразить свое несогласие, Георгий Алексеевич рассказал — с особой убедительностью и подчеркнуто личным переживанием, — как сам он в юности ходил, мятущийся, голодный, неприкаянный, по пустынной военной Москве и чувствовал себя способным на то же, что Раскольников — для решения *своей* проблемы (ненависть к “старухе” была подлинной, даже чрезмерной). Рассказ был столь впечатляющим, что слышавшая его моя жена некоторое время побаивалась отпускать меня на встречи с Георгием Алексеевичем».

А этих встреч за три почти десятилетия было немало — здесь мы, оба пишущие это вступление, можем вновь перейти на общее «мы». Георгий Алексеевич водил нас по московским местам, связанным с Достоевским, и не только с Достоевским, — особенно он любил Божedomку, родное место писателя, Суцескую часть, место не существующего ныне Лазаревского кладбища с не существующими могилами матери Достоевского и Марии Дмитриевны, его первой жены, затем родную уже свою Мясницкую и Покровскую часть, связанную с именами Грибоедова, Пушкина, братьев Киреевских, Веневитинова и Тютчева, и Бронные улицы; Палаши, где родился и был крещен Аполлон Григорьев, как это первым Г. А. Федоров установил по московским архивам (см. об этом статью в настоящей книге). Георгий Алексеевич, как принято нынче говорить в таких случаях, дарил нам эту Москву с необыкновенной щедростью. Это были почти путешествия по знакомым местам с проникновением в их культурную память, прогулки каждого из нас вдвоем с Георгием Алексеевичем (если не втроем — с незримо сопровождавшим нас бессмертным духом Достоевского), открывавшие многое, чего мы не знали или представляли иначе, — хотя и в теме о Достоевском в московские годы один из нас особенно не был новичком. Главным же было даже не это новое, что мы узнавали, а обнаружение и дальнейшее развертывание перед нами того духа

места сего (*genius loci*), который веял над московскими местами Достоевского, где некогда именно он был этим *genius'ом*, передавшим эту функцию наиболее восприимчивому реципиенту и «чувствователю» сего места Георгию Алексеевичу Федорову.

Воспоминание попутное: один из нас в те самые 70-е, гуляя по Ленинграду с известным специалистом по Достоевскому, привел его в тот самый двор на Галерной улице, 20, где выбросилась из окна в 1876 году с образом в руках швея Марья Борисова, и Достоевский, прочитав в газетах об этом «кротком» самоубийстве, написал свою «Кроткую». Мы постояли там, и достоевсковед, ленинградец, недоуменно сказал: — Ну и что? Для изучения Достоевского что нам это дает? — хотел он сказать. В самом деле — это был обычный и не слишком выразительный ленинградский двор, не очень, видимо, с тех пор изменившийся. Но мы ведь знали, что это *тот самый* двор, то самое место, — и дух того события, как-никак породившего «Кроткую», или реял над ним, преображая картину довольно невзрачную, или же чувство это не возникало, и передать его спутнику, специалисту по *книжному* изучению Достоевского, было трудно.

Творческая интуиция Федорова — возвращаясь к прогулкам с ним по Москве — при превосходном знании и внутренней проработанности текстов Достоевского, как и опыт театрального художника (стоит напомнить, что, как показал замечательный филолог П. М. Бицилли, многие эпизоды, и прежде всего центральные, у Достоевского построены по правилам сценического искусства), — позволяли ему не только «переживать переживаемое» героями Достоевского и — с большей вероятностью — их автором, но и размещать героев в конкретном пространстве комнаты, дома, улицы, площади, города. Эпизоды романа сценизировались и проникались духом театральности, о чем отчасти писал не раз и сам Достоевский, может быть, самый выдающийся «сценограф» в русской повествовательной прозе своего века.

Г. А. Федоров всегда хорошо понимал эту сценическую установку Достоевского, — более того, чувствовал и знал, где, когда и откуда лучше, с возможностью наиболее экономичного извлечения максимальной информации, можно видеть ту сцену, которую выстраивает «сценограф» Достоевский и на которой он раз-